

М. А. ЗАБОРОВ

ИЗВЕСТИЯ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ
О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ *

В плане сопоставления сведений латинских хронистов о крестовых походах на Восток с известиями других современников представляют существенный интерес материалы русских повествовательных источников XII—XIII вв. Они занимают особое положение среди остальных памятников, относящихся к исследуемому сюжету.

Как нами уже было показано, латинские хроники отражают апологетические тенденции католической историографии крестовых походов¹. Составители этих сочинений стремились прославить завоевания в «заморских землях», предпринятые по призыву апостольского престола. В повествованиях же арабских, армянских, сирийских, византийских авторов войны против франков (латинян) рисуются с противоположных, чем у латино-католических писателей, позиций, отражающих настроения и взгляды тех, кто был жертвами западнофеодальной агрессии, осененной священными символами. Отсюда — неприязненное или даже откровенно враждебное, подчас прикрываемое злой иронией, отношение восточных историков к крестоносцам, усиливаемое конфессиональными мотивами.

Все это объясняет пристрастность в освещении событий представителями «обеих сторон», которые столкнулись в двухвековом конфликте в Восточном Средиземноморье. Эта пристрастность была порождена в конечном счете противоположностью классово-политических интересов западноевропейских рыцарей-завоевателей и оказавшихся временно под их игом восточных народов.

Рассказы русских авторов XII—XIII вв. по характеру своему отличаются и от проникнутых апологетикой творений западных монахов и сеньоров, и от сообщений восточных и византийских историков, окрашенных неприязнью к крестоносцам. Киевская Русь никогда не участвовала в крестовых походах на Ближний Восток; по крайней мере, какие-либо прямые

* В настоящем очерке предпринята попытка выяснить, в какой мере интерес к истории крестовых походов западного рыцарства проявлялся у русских летописцев и путешественников XII—XIII вв. В задачу работы не входит ни оценка позиции Древней Руси по отношению к крестовым походам, ни, тем более, разбор общеисторических воззрений упоминаемых ниже повествователей. Речь идет лишь об установлении того, каковы были их сведения о крестовых походах, какие события этих войн и в какой мере привлекали внимание русских современников, в чем ценность и значение передаваемых ими известий. Исторические и религиозно-политические взгляды авторов разбираемых свидетельств затрагиваются только в связи с изучением точки зрения этих писателей на изображаемые ими конкретные эпизоды крестовых походов.

¹ См. М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII вв.). М., 1966, стр. 30 сл., 199 сл.

и притом достоверные известия об этом отсутствуют как в латинских ², так и в русских ³ источниках. По-видимому, тут действовали многообразные, в том числе не в последнюю очередь внешнеполитические факторы, выступавшие, по условиям эпохи, в религиозном обрамлении. Русские феодалы в массе своей едва ли могли испытывать желание принимать участие в крестовых походах уже потому хотя бы, что то были папские предприятия. Урбан II, поднимая Запад на священную войну против «поганого племени турок» ⁴, звал опоясаться мечом для освобождения гроба господня лишь своих *fideles*, т. е. католиков, — к «схизматикам», почти полвека назад отпавшим от римско-католической церкви (1054 г.), он вовсе не обращался.

И, что еще более важно, уже в конце XI в., начиная с понтификата Григория VII, отчетливо обозначилось антирусское направление миродержавной политики папства. С этого времени Русь надолго заняла свое место в экспансионистских планах курии ⁵. Позднее, с XII в., русские земли, как и другие славянские, стали непосредственным объектом крестоносной агрессии немецкого рыцарства, тайно и явно инспирировавшейся папами и их окружением (зловещая роль аббата Бернара Клервоского, заклятого врага славянских народов, организатора похода 1147 г. и вместе с тем Второго крестового похода на мусульманский Восток, хорошо известна) ⁶. В начале XIII в. под эгидой папства образуется военно-мо-

² В. Т. Пашуто в монографии «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968, стр. 140—141) отмечает сообщение «Истории Иерусалима и Антиохии» об участии русских воинов в сражении крестоносцев Первого похода за Никею (1097 г.). Однако сообщение это, являющееся единственным в своем роде, более чем сомнительно. Оно не принадлежит участнику событий; это известие весьма позднего происхождения. Хронисты — очевидцы Первого крестового похода, подробнейшим образом называющие различные народности, представленные в крестоносной рати, *нигде* не упоминают русских ратников в составе воинства, двинувшегося в 1096 г. освобождать палестинские святыни. У Фульхерия Шартрского, к примеру, перечень крестоносцев по их национальной и этнической принадлежности насчитывает до двух десятков наименований (см. *Fulcherii Carnotensis Historia Hierosolymitana*. — RHC, t. III. Paris, 1866, p. 337—338); аналогичные известия находим в хрониках Петра Тудебоды, Альберта Аахенского, Раймунда Ажильского. Подробнее см. М. А. Заборов. Указ. соч., стр. 91, прим. 175.

³ Сохранились, впрочем, весьма глухие данные, судя по которым, какие-то русские силы будто бы сражались с мусульманами в конце XII в. Мы имеем в виду то место «Слова о полку Игореве», где автор обращается с призывом защитить Русскую землю к Ярославу Владимировичу, князю Галицкому, и отнять выгодное стратегическое положение владений князя, его могущество и т. д., заявляет: «Ты... стреляешь с отчего золотого престола салтанов за землями». Вслед за этим идет клич: «Стреляй же, господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича» («Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 66—67. Указано нам А. А. Зиминным). Истолкование этого места как свидетельства участия галичан в крестовых походах было дано Д. С. Лихачевым (там же, стр. 443—444, со ссылкой: «догадка Д. Дубенского» и в кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1955, стр. 78). Автор поясняет цитируемый им текст «Слова» в скобках, перебивающих цитату: «Ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину». Ср. также стр. 77, где Д. С. Лихачев прямо указывает, что Ярослав Галицкий, согласно «Слову», «посылает свои войска в помощь крестоносцам против салтана Саладина». Нам такая интерпретация представляется не слишком убедительной: ведь события, связанные с поражением князя Игоря, разыгрались в 1185 г., за четыре года до Третьего крестового похода (1189—1192). В каком же предприятии против египетского султана могли участвовать воины Осмомысловича? Во всяком случае, в латинских источниках никаких указаний на этот счет мы не встречали.

⁴ См. М. А. Заборов. Указ. соч., стр. 181 и сл.

⁵ Подробнее см. Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, стр. 60 сл. Там же — библиография вопроса.

⁶ См. Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. — ВИ, 1946, № 2—3. В. Т. Пашуто с полным основанием отмечал органическое родство двух главных направлений крестовых походов («франкского» и «тевтонского») и указывал на тесную связь их судеб друг с другом (см. В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 403). Представление о прямой взаимозависимости двух аспектов политики римской курии (в России и на Ближнем Востоке) раз-

нашеский орден меченосцев. Он создается по образцу организованных в Палестине (после Первого и Третьего противомусульманских крестовых походов) рыцарских сообществ. Орден меченосцев, как и Тевтонский, перенесший в начале XIII в. поле своей деятельности в Восточную Европу, под покровительством апостольского престола развернул кровавую экспансию в Прибалтике и против русского Северо-Запада ⁷. Большую активность проявляло папство и по отношению к Юго-Западной, Галицко-Волынской Руси ⁸, не останавливаясь при этом даже перед тем, чтобы использовать в своих интересах степняков-половцев ⁹.

Всего этого было более чем достаточно, чтобы удержать феодальную Русь в стороне от борьбы за «спасение» христианских святынь на Ближнем Востоке, вдохновлявшейся курией: ведь, организовав эти вооруженные экспедиции, Рим добивался вместе с тем и подчинения своему влиянию русских земель ¹⁰.

К этому необходимо добавить, что широкая теократическая программа папства, осуществлявшаяся с помощью оружия крестоносцев, включала в сферу притязаний Рима и Византию, а с ней Русь связывала тесные церковно-политические узы и культурные контакты ¹¹. Крестоносцы, отправляясь в Палестину, неоднократно разоряли византийские области; в 1204 г. они и вовсе разгромили Константинопольскую империю.

Могла ли Русь при таких условиях включаться в крестовые походы?

В эпоху, когда феодальный Запад устремился в богатые страны Восточного Средиземноморья для захвата земель «неверных», самой Руси пришлось беспрестанно воевать со степными кочевниками-иноверцами. Половцы являлись со второй половины XI в. постоянной угрозой для Руси. В первые десятилетия XIII в. на русские города и села обрушились татаро-монгольские орды. Героическое трехлетнее сопротивление, ока-

вивается им также в статье «Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства» («Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». — «Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского». М., 1961, стр. 209), в рецензии на монографию Э. Винтера «Россия и папство» («История СССР», 1961, № 1, стр. 220), а особенно в кн.: «Внешняя политика Древней Руси», стр. 227 сл., 278 сл. и др.)

⁷ См. подробно в книгах: *В. Т. Пашуто*. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; *его же*. Образование Литовского государства; *его же*. Внешняя политика Древней Руси.

⁸ См. *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 242 сл.; *его же*. Внешняя политика Древней Руси, стр. 243 сл.

⁹ Один из характерных, однако до недавнего времени оставшихся малоизученным эпизодов папской агрессии в этих областях — создание в 1228 г. Половецкого епископства (в районе Серета, Прута и Днестра) — раскрыт в статье: *В. Т. Пашуто*. Половецкое епископство. — «Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70 Geburtstag». Berlin, 1966, S. 33—40.

¹⁰ См. *В. Т. Пашуто*. О политике папской курии на Руси (XIII в.). — ВИ, № 5, 1949, стр. 52—76. Интересен тезис этого ученого о принципиальном совпадении интересов славянских, прибалтийских и арабских народов в борьбе против крестоносной агрессии, направлявшейся из папского Рима (см. *В. Т. Пашуто*. Образование Литовского государства, стр. 401). Однако такое совпадение интересов, очевидное в ретроспективном плане, едва ли осознавали русские современники крестовых походов. Автор Ипатьевской летописи, например, с сокрушением сообщал об отвоевании Иерусалима мусульманами в 1187 г. Более того, в этом событии он усматривал прямое оскорбление и православно-христианскому миру («нам же укореным сущим, понос принимающим от безаконных тех агарян». — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 135). Характерно также, что упоминание о выступлении в крестовый поход Фридриха I (Барбароссы) сопровождается рассуждениями, восхваляющими немецкого «кесаря» и немцев как святых мучеников, проливающих кровь за Христа [см. там же, стр. 139 (под 1190 г.)]. Комментатор издания полагал даже, что «эта похвала крестоносцам, без сомнения, выписана из какой-нибудь латинской легенды» (там же, стр. 139, прим.).

¹¹ Подробно см. в кн.: *М. В. Левченко*. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 450 сл.

занное им здесь, избавило Западную Европу от татаро-монгольского нашествия: Запад продолжал свои восточные крестовые авантюры. В сложившейся ситуации это движение оставалось в тем большей степени политически чуждым Руси, что апостольский престол, организуя крестовую агрессию, пытался использовать татаро-монголов для покорения русских земель¹².

Все эти обстоятельства в известной мере объясняют причины неучастия Руси в крестовых экспансиях, остававшейся делом феодально-католической Европы.

Если русские люди в XI—XII вв. и интересовались Палестиной¹³, то отнюдь не рассматривая ее в качестве объекта возможных захватов. Они ездили туда, как и в Константинополь и вообще на Ближний Восток, с мирными — религиозными¹⁴ или хозяйственными — целями¹⁵. Число русских паломников в Иерусалим было весьма значительным¹⁶. Одно из наиболее известных странствований — «хождение» игумена Даниила в начале XII в. с большой группой киевлян и новгородцев (в том числе знатных людей), посетившего Константинополь, а затем обошедшего и «землю Галилейскую» (о сопровождавших его лицах он писал: «Вся дружина моя русские сынове, и приключишася тогда и ноугородци и кияне, Седеслав Иванкович, Горослав Михалкович, Кашкича два и инии мнози») ¹⁷. К нему мы еще вернемся в дальнейшем.

Сказанным определяется и специфика русских летописных известий о занимающих нас событиях. Они встречаются сравнительно редко и в большинстве своем сугубо фрагментарны: как правило, те или иные эпизоды крестовых походов передаются из вторых рук. Многое этим историкам было просто, по-видимому, неизвестно: они вносят в свои творения вести о далеких войнах «латинников» в том самом виде, в котором были услышаны ими. Иногда это — лишь мельком, попутно брошенная фраза, в которой, однако, явственно виден широкий кругозор историка. Патриарх русского летописания, автор «Повести временных лет» — превосходный тому пример. Он упоминает о переходе Иерусалима к христианам, передавая под 986 г. ходячую легенду о великом князе Владимире, якобы ведшем дискуссию с представителями «трех вер» (мусульманства, христианства, иудаизма). Излагая этот спор, Нестор вкладывает в уста хазарских евреев, отвечающих на уточняющий вопрос киевского князя о судьбе Иерусалима, слова: «Разгнѣвася бог на отци наши и расточи ны по странам грех ради наших и предана бысть земля наша хрестея-

¹² См. Б. Я. Рамм. Указ. соч., стр. 146 сл.

¹³ См. Д. В. Айналов. Некоторые данные русских о Палестине. — «Сообщения Православного Палестинского общества», т. XVII, вып. 3. СПб., 1906, стр. 334 сл.

¹⁴ См. А. Palmieri. I pellerinaggi russi in Terrasanta. — «Bessarione», VIII, 1900, p. 571—605.

¹⁵ Подробнее о восточно-византийском направлении русской торговли того времени, о посещениях русскими купцами городов Сирии и Палестины см. Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. — «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 339—340; М. В. Фехнер. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. — Сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 49, 52 сл.; Ю. А. Лимонов. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. — Там же, стр. 62; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) — «История СССР», 1967, № 3, стр. 107 сл. В числе прочих паломников, отправлявшихся на Восток, были так называемые «калики переходные»: так, в 1168 г. в Новгород из Иерусалима возвратились 40 калик переходных, привезших с собой различные реликвии, которые им вручил иерусалимский патриарх. См. Д. В. Айналов. Указ. соч., стр. 345—346.

¹⁶ См. перечень паломничеств: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 470; В. Leib. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924, p. 277 sq.

¹⁷ Цит. по: «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115)». Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, стр. 144 (далее: Даниила).

ном»¹⁸. В этой последней части фразы многие исследователи (С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, в наше время Д. С. Лихачев) усматривали намек на взятие Иерусалима крестоносцами в 1099 г.¹⁹, против чего решительно возражал А. А. Шахматов²⁰. Как бы то ни было, следует признать, однако, что летописец (а ведь «Повесть временных лет» относится к началу XII в.) не обнаруживал ни сколько-нибудь устойчивого интереса к развертывавшимся в далеком Иерусалиме событиям, ни, тем более, должной осведомленности. Точно так же обстоит дело и с некоторыми другими летописными сообщениями.

Разрозненные упоминания об отдельных фактах восточных войн западных «хрестеян» встречаются в Ипатьевской и Густинской летописях, но они носят спорадический характер и весьма кратки. К тому же последняя составлялась в XVII в. и опиралась, видимо, на латинские хроники²¹. Так, в Ипатьевской летописи под 1187 г. говорится о падении Иерусалима («взят бысть Ерусалим безбожными срацины») ²². Густинская летопись под 1099 г. лаконично отмечает взятие Иерусалима западными единоверцами («в се лето христиане взяша Иерусалим под турком») ²³. Слабо осведомленный летописец ошибается: ведь «священный град» был отвоеван крестоносцами не у турок, — еще в августе 1098 г. арабы отняли его у сельджуков, и город находился под властью египетского султана.

Там же под 1190 г. упомянута гибель «кесаря немецкого» Фридриха (т. е. Фридриха I Барбароссы) ²⁴.

В Типографской летописи имеется известие от 1218 г. о том, что «ходи король со угры и с нъмци в Иерусалим, и бия за гроб господень со срацины, и не успев ничто же возвратися»: это — сообщение о Пятом крестовом походе ²⁵.

Из цитированных данных ясно, что они едва ли могут иметь существенное значение для уяснения событий истории крестовых походов, которые не были бы известны из более полноценных источников.

Другое дело, что взятые сами по себе, эти сообщения проливают некоторый свет на исторические воззрения отечественных летописцев, но рассмотрение данной проблемы находится за рамками темы нашего исследования. Отметим лишь, что в цитированных сообщениях отчетливо проступают черты провиденциализма, свойственного не только западным, но и русским средневековым историкам. Более того: создается даже впечатление, что подчас тот или иной факт из истории крестовых походов вообще отмечается летописцем лишь постольку, поскольку в его глазах

¹⁸ «Повесть временных лет», часть первая. М.—Л., 1950, стр. 60. Указано нам В. Т. Пашуто. Последний обращается к цитируемому месту «Повести» для доказательства тезиса об оживлении связей Руси с Палестиной после образования Иерусалимского королевства (см. В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 140 сл.). На наш взгляд, доказательная сила данного известия «Повести» именно в *этом плане* невелика: если летописец действительно имел в виду захват Иерусалима крестоносцами в 1099 г., то не исключено, что столь крупная новость международной жизни могла прийти на Русь, минуя каналы, непосредственно соединявшие ее с Ближним Востоком (т. е. с Запада или из Византии).

¹⁹ См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 674 сл. Указано нам А. П. Новосельцевым. См. также: «Повесть временных лет», часть вторая. М.—Л., 1950, стр. 329—330 (комментарии со ссылкой на указанную выше работу Айналова).

²⁰ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 674—675.

²¹ В. Leib. Op. cit., p. 277, n. 1.

²² Ипатьевская летопись — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 135.

²³ Прибавление к Ипатьевской летописи. Густинская летопись. — Там же, стр. 285.

²⁴ Там же, стр. 323.

²⁵ Указано нам А. П. Новосельцевым. См. оценку этого фрагмента: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 288.

он заслуживает внимания исключительно с религиозной точки зрения (как повод для высказывания благочестивых соображений, как подтверждение символической значимости небесных знамений или невозможности постичь предназначения всевышнего и пр.).

Автор Ипатьевской летописи, бегло упомянув о переходе Иерусалима к «беззаконным агаряном», обстоятельно рассуждает по этому поводу о существующей, по его мнению, прямой зависимости между данным событием и солнечным затмением, случившимся в тот же день (15 сентября), когда град святого гроба достался мусульманам. Оказывается, «таковая бо знамения не на добро бывають», но что если «во дни наша преда господь град Ерусалим святы беззаконным тем агаряном», то и всякая попытка постичь промысел божий была бы тщетной ²⁶.

У большинства русских современников, питавшихся преимущественно случайными известиями о занимающих нас событиях, не встретить не только цельных повествований, подобных латинским хроникам, но даже и выдержанных в сколько-нибудь широком хронологическом масштабе описаний какой-либо из крестоносных войн, как то наблюдается в произведениях восточных и византийских историков XII—XIII вв.

В этом и нет чего-либо удивительного: русские люди, отдаленные тысячами километров и от западных стран, где рождались ответственные замыслы, и от стран Востока, где разворачивались битвы франков против «неверных», конечно, не были в состоянии дать систематизированные рассказы об этих событиях. Даже их относительно обстоятельные повествования касаются отдельных эпизодов крестовых походов, свидетельствами которых доводилось быть только немногим выходцам из Руси. Как источник сведений эти сочинения носят совершенно иной характер, нежели приведенные выше краткие упоминания летописцев. Здесь мы имеем дело поистине с первоклассным материалом, вносящим порой принципиальные поправки, уточнения и дополнения к сообщениям латинско-католических историков, подчас меняющие всю картину событий.

К таким произведениям, занимающим достойное место среди остальных источников по истории крестовых походов, принадлежат два литературных памятника: составленные названным уже паломником игуменом Даниилом записки о его странствовании по святой земле ²⁷, напоминающие отчасти (и по форме, и по содержанию) многочисленные итинерарии западных пилигримов этой эпохи ²⁸, и знаменитая «Повесть о взятии

²⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 235.

²⁷ См. выше, стр. 87, прим. 17. «Хождение» мниха Даниила впервые было издано Сахаровым: «Путешествия русских людей по Святой земле», ч. I. СПб., 1839; им же переиздано в кн.: «Сказания русского народа», т. II, кн. 8. СПб., 1849. Вместе с русским и французским переводами, а также обширным комментарием издано затем А. С. Норовым, позднее — в другой редакции — опубликовано М. А. Вeneвитиновым («Житие и хождение Даниила Русския земли игумена, 1106—1107 гг.» — ППС, т. I, в. 3. СПб., 1883; т. III, в. 3. СПб., 1885). Этот памятник неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Обстоятельная библиография о нем собрана в статье: В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954. В. В. Данилов, однако, не включил сюда сокращенный русский перевод «Хождения», опубликованный в хрестоматии М. М. Стасюлевича («История средних веков в произведениях ее писателей...», т. III. СПб., 1865), а также упустил один из ранних исследовательских этюдов, посвященных памятнику: Н. Hagenmeyer. Über Pilgerreise des Abtes Daniel von Kiev in das gelobte Land zu Anfang des 12-ten Jahrhunderts. — In: *Ekkehardi Uraugiensis... Hierosolymita*. Beilage VI. Tübingen, 1877, S. 359—361). Новейшие работы учтены также в статье: Ю. П. Глушкова. О путешествии игумена Даниила в Палестину. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 79, прим. 3.

²⁸ См. в кн.: *Itinéraires a Jérusalem et descriptions de la Terre Sainte rédigés en français au XI-e, XII-e et XIII-e siècles*, publiés par H. Michelaut et G.-Raynaud. Genève, 1882.

Царьграда фрягами»²⁹, вошедшая в Новгородскую летопись и принадлежащая русскому очевидцу захвата византийской столицы крестоносцами.

Несмотря на то, что каждый из этих памятников описывает лишь отрывочные эпизоды крестоносных войн на Востоке, уместающиеся в ограниченные временные рамки, оба источника обладают большими преимуществами перед многими другими. Преимущества эти обусловлены тем, что как мних Даниил, так и новгородец, писавший о походе 1202—1204 гг., были, с одной стороны, свободны от апологетической тенденциозности латинских историков, а с другой — от «нигилистического» отношения к действиям западных «варваров», наблюдающегося в сочинениях восточных и греческих писателей. Выходцы из Руси описывали крестовые походы относительно беспристрастно. Эти повествователи, будучи свидетелями описываемых ими событий, сумели проявить острую наблюдательность, но в то же время не привнесли в свои рассказы столь откровенной «заинтересованности», как их собратья по перу из других стран: стремление возможно точнее воспроизвести увиденное, сдержанность в оценках, даже при освещении самых неблагоприятных поступков «воинов христовых», — таковы наиболее важные достоинства известий упомянутых путешественников.

Правда, то обстоятельство, что Русь непосредственно не была замешана в войнах христианского Запада против мусульманско-византийского Востока, сказалось на свидетельствах названных писателей и иным образом: подчас они не знают в точности о каких-то событиях, недостаточно осведомлены о них, подлинные факты подменяют сконструированными на основе догадок или сведений от третьих лиц, поэтому трудно использовать отдельные показания этих писателей как источник фактических данных.

Остановимся подробнее на каждом из упомянутых двух произведений. Начнем с «Хождения игумена Даниила по Святой земле». В какой мере заслуживает оно внимания историка крестовых походов?

Игумен Даниил³⁰ пилигримом посетил Палестину в начале XII в.³¹

²⁹ Далее цит. по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.

³⁰ Анализ вопросов, относящихся к его биографии, социальному положению до принятия монашества, политическим взглядам и т. п., подробнее всего дан в отмеченной выше статье В. В. Данилова (ТОДРЛ, т. X, 1954). Автор этой работы придерживается распространенной точки зрения, согласно которой Даниил был черниговского происхождения (В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 99). До пострижения Даниил, по гипотезе того же историка, являлся земельным вотчинником (там же, стр. 102); исследователь показал, что по своим политическим воззрениям Даниил был русским патриотом XII в. (там же, стр. 103 сл.). Политическую направленность и характер патриотических воззрений Даниила убедительно определил В. Л. Янин в работе «Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960). Вопреки В. П. Адриановой-Перетц и другим ученым, которые, указывая на патриотизм Даниила и даже отмечая, что он носил общерусский характер, фактически превращали писателя лишь в патриота Черниговского княжества, а то и своего монастыря, зависевшего от черниговских князей (В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 114). В. Л. Янин доказал, что в «Хождении» вообще не отдается никакого предпочтения черниговским или каким-либо иным южнорусским князьям. Напротив, игумен Даниил выступает перед нами поборником той системы взаимоотношений между князьями, которая установилась на Руси в конце XI—начале XII в. и в которой он видел «средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн» (там же, стр. 131).

³¹ Точное время Даниилова паломничества не установлено. А. С. Норов приурочивал его к 1113—1115 гг., исходя из того, что в рассказе игумена о походе Бадлуина к Дамаску (см. ниже, стр. 95) якобы имеются в виду события 1115 г. (Даниил. Предисловие, стр. V—VI). Последняя гипотеза была отвергнута Г. Хагенмайером, посвятившим этому вопросу особый экскурс в Приложении к изданному им «Иерусалимцу» Эккехарда Аурского (см. *Ekkehardi Uraugiensis. . . Hierosolymita, Beilage VI, S. 359—361*). Позднее М. А. Вeneвитинов, редактор нового издания памятника, датировал «Хождение» 1106—1108 гг. (см. «Житие и хождение Даниила Русьских земли игумена. . .»). Под ред. М. А. Вeneвитинова. — ППС, т. I, в. 3. СПб., 1883, стр. II—V). Однако

По его собственному сообщению, он прожил в Иерусалиме 16 месяцев «в метухии св. Савы» (т. е. в подворье этого православного монастыря)³² и «оттоле походив испытав вся та святая места и видах добре»³³. Возможно, путешествие Даниила — одно из ранних свидетельств ставших впоследствии регулярными связей Древней Руси с православным миром Малой Азии и Восточного Средиземноморья³⁴. В научной литературе выдвигалось также предположение, будто Даниил не был простым паломником, отправившимся в странствование лишь по религиозным мотивам: он якобы выступал посланцем великого князя Святополка, который использовал этого странника для установления контактов с государем Иерусалимского королевства — Балдуином I (1100—1118)³⁵. Хотя соображения, приводившиеся в обоснование этой гипотезы, весьма логичны (из текста «Хождения» действительно видно, что Балдуин I особо благоволил к русскому пилигриму-мниху, поставил его в привилегированное положение, обеспечил охраной из своих воинов и пр.³⁶), однако едва ли обладают необходимой доказательной силой. Если допустить, что игумен Даниил был облечен дипломатическими полномочиями, то в чем могла состоять его миссия? Какие общие «военно-политические» цели могли объединить тогда великого князя киевского с латинскими завоевателями Иерусалима?

Сравнительно недавно была сделана попытка подкрепить эту гипотезу другой, к сожалению, столь же малообоснованной: миссию Даниила якобы надлежит расценивать в связи с византийской дипломатией Святополка Изяславича, а именно: это путешествие являлось дипломатической акцией киевского князя, предпринятой в ответ на призывы Византии о помощи против . . . сельджуков³⁷. Несостоятельность всей конструкции определяется шаткостью ее фундамента: выдвинувшая эту гипотезу молодая исследовательница Ю. П. Глушакова опиралась на лишнее всяких ссылок высказывание Н. М. Карамзина, высказывание совершенно голословное, не подтверждаемое никакими источниками. Однако, если даже гипотеза была бы верна, спрашивается: какое отношение к Иерусалиму имела акция киевской дипломатии в Царьграде, будто бы искавшем поддержку на Руси против сельджуков? Видимо, Ю. П. Глушакова допускает какую-то возможность совместных действий русского князя против сельджуков не только с Византией, но и с Иерусалимским королевством? Думать так — значит из области реальных фактов переноситься в область совершеннейшей фантазии³⁸.

его аргументация также не дает, что признавал и он сам, окончательного решения этой трудной проблемы. В. Л. Янин, ссылаясь на М. А. Веневитинова, полагает, что «Хождение» «было создано в тот период, когда междукняжеские отношения на Руси на какой-то срок были определены постановлениями совещаний в Любече (1097 г.), Городце (1102 г.), Витичеве (1100 г.) и в Киеве (1102 г.)» (В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 112). Иначе говоря, В. Л. Янин в общем близок к веневитиновской датировке «Хождения» (1106—1108 гг.). То же самое в основном применимо и к выводам Ю. П. Глушаковой (указ. соч., стр. 82—83). Д. С. Лихачев, однако, относит этот памятник к эпохе Владимира Мономаха (см. «История русской литературы», т. I. Литература X—XVIII вв. М.—Л., 1958, стр. 85).

³² О знании русским игуменом греческого языка см. В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 94 сл., 98 (исследователь насчитал в тексте «Хождения» 32 греческих слова; метухия — лишь одно из них). Утверждение Ю. П. Глушаковой, будто Даниил «пробыл два с лишним года» в Палестине — чистейшее недоразумение.

³³ Даниил, стр. 3.

³⁴ См. Л. В. Черепнин. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании. — Сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 234 сл.

³⁵ См. В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 94.

³⁶ Там же, стр. 92—93.

³⁷ Ю. П. Глушакова. Указ. соч., стр. 83—84.

³⁸ Между прочим, в качестве доказательства своего представления о дипломатической подоплеке паломничества Даниила исследовательница приводит следующее соображение: игумена сопровождали светские лица, киевляне, новгородцы и прочие,

Выдвигалась и другая гипотеза, согласно которой Даниил был послан в Иерусалим черниговскими князьями, которые будто бы искали поддержки против Владимира Мономаха, пользовавшегося, в свою очередь, сочувствием византийской церкви. Автор этой гипотезы — Д. С. Лихачев — считает «вполне естественной» такую попытку черниговских князей противопоставить церковному авторитету Константинополя церковный авторитет Иерусалима³⁹. Трудно, однако, допустить, что эти князья рассчитывали опереться на погрязший во внутренних неурядицах и совершенно не обладавший престижем в международных делах латинско-католический патриархат Святой земли⁴⁰ в своих расприх с Владимиром Мономахом. Решающим же доводом против этой гипотезы служит тот факт, что Даниил, якобы посланный «противниками Мономаха», датирует свое путешествие правлением великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава, а вовсе не Владимира Мономаха, о вступлении которого на киевский престол в 1113 г. он, по всей видимости, должен был узнать уже по возвращении.

Таким образом, отпадает и тезис о каких-то общих «религиозно-политических» целях русских князей и иерусалимской церкви⁴¹. Кстати, в латинских хрониках и документальных материалах нам не удалось обнаружить ни малейших указаний на дипломатические сношения первого иерусалимского короля с Русью⁴². Да ведь и у самого Даниила какие-либо прямые данные на этот счет тоже полностью отсутствуют⁴³.

Приходится констатировать, что мы не знаем, было ли его паломничество отягощено дипломатическим багажом⁴⁴. С точки зрения оценки «Хождения» как источника по истории Иерусалимского королевства это и не так уж существенно. Важнее другое: записки русского игумена — едва ли не единственный русский литературный памятник, в котором освещается положение Иерусалимского королевства вскоре после его основания.

«тогда как при обычных обстоятельствах (?? — М. В.) он должен был бы стоять во главе лиц духовного звания» (Ю. П. Глушакова. Указ. соч., стр. 83—84). Этот довод носит произвольный характер: история паломничеств на Восток знает немало случаев, когда во главе больших групп пилигримов становились именно церковные иерархи, ведущие за собой и духовных, и мирян. Укажем хотя бы на известное паломничество 1064—1065 гг. немецких рыцарей, епископов и др.: 7000 пилигримов разного звания возглавлял архиепископ Майнцский. См. подробно в статье: *E. Ioranson. The Great German Pilgrimage 1064—1065.* — «The Crusades and Other Historical Essays Presented to Dana S. Munro», ed. L. J. Paetow. New York, 1928, p. 3—43. Следовательно, нет никаких причин расценивать наличие в окружении игумена Даниила светского элемента как свидетельство посольского характера его пребывания в Палестине.

³⁹ См. Д. С. Лихачев. Литература второй половины XI—первой четверти XII века. — «История русской литературы», т. I, стр. 85.

⁴⁰ См. А. С. Попов. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев, ч. I. СПб., 1903, стр. 83—92, 331 сл.

⁴¹ Интересно, что заманчивые, хотя и лишенные твердой почвы, гипотезы относительно «дипломатической» миссии русского игумена на Востоке полонили даже такого трезвомыслящего ученого, как В. Т. Пашуто, который также называет игумена Даниила и его спутников «посольством» — и даже дважды (В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 141).

⁴² Об этом не пишет и никто из новейших исследователей истории Иерусалимского королевства. См., например, *R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem*, t. I. Paris. 1934, p. 495 sq.; *J. Richard. Le royaume latin de Jérusalem*. Paris, 1953, p. 40 sq.

⁴³ Ю. П. Глушакова связывает благосклонное отношение Балдуина I к Даниилу с русской политикой Рима, точнее, с его стремлением подчинить русскую церковь (указ. соч., стр. 84). Но какие имеются основания рассматривать иерусалимского короля в качестве орудия папской дипломатии на Руси? Хронологическое совпадение этих фактов не может служить подтверждением их причинной связи!

⁴⁴ В. Т. Пашуто расценивает «дружеское отношение» Балдуина к «русскому посольству» как «понятное» само собой (В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 142), приводя в качестве аргумента «широкое участие Руси в средиземноморской политике» (там же). Для начала XII в., по крайней мере, это представление, на наш взгляд, — явно преувеличенное.

Отправляясь в дальние страны, мних Даниил, несомненно, воодушевился религиозными чувствами: он был понужден «мыслию своею и нетерпением своим, восхотех видети святыи град Иерусалим»⁴⁵. Естественно, паломник обращал свой взор в первую очередь на религиозные памятники «земли Галилейской». Их подробный перечень и тщательное описание составляют главное содержание его сочинения, которое, таким образом, является своего рода религиозно-географическим трактатом, написанным под непосредственным впечатлением увиденного («неложно, якоже бо видех очима своима грешныма, и тако написах») ⁴⁶. Описания различных освященных евангельской традицией местностей, связанных с деятельностью Иисуса Христа, с творившимися им чудесами (Кана Галилейская⁴⁷ и др.), выполнены пилигримом весьма детально. Они свидетельствуют не только об основательной богословской образованности игумена, но и — это нас особенно интересует — о его стремлении к максимальной точности во всем, что касается характеристики как описываемых религиозных святынь, так и их антуража⁴⁸. По своему характеру сообщения Даниила в этом плане представляют собою типично средневековое сочетание самого истового благочестия и самой пылкой любознательности к земному, горячего желания узреть священные для христианина места и предметы, дабы рассказом о них укрепить в вере будущего читателя и вместе с тем — познакомить его с этими святынями в их посюстороннем, реальном обличье. Любопытный штрих: сведя знакомство с ключарем гроба господня и проникнув по его «протекции»⁴⁹ в эту святыню, Даниил не только «поклонился гробу тому святому и облобызав место то честное, иде же лежало тело пречистое господа нашего», но и постарался выяснить размеры гробницы богочеловека: «тогда бо измерих гроб святыи в длину, и в ширину, и в высоту»⁵⁰. Вследствие такого своеобразного переплетения сугубо религиозных реминисценций с вполне мирским подходом к палестинским святыням страницы, рисующие их, представляют определенный интерес для понимания собственно религиозной жизни в Иерусалимском королевстве в начале XII в., когда еще не угас фанатический дух крестового похода 1096—1099 гг.

Так, немало замечок, показывающих наблюдательность нашего путешественника, найдем мы в его рассказе о нисхождении благодатного огня (или святого света) на гроб господень и обстановке, в которой совершалась эта пасхальная церемония, обстоятельно, как известно, рисуемая и латинскими, и арабскими авторами⁵¹. Даниил хорошо подметил реальные черточки этой торжественно обставлявшейся ежегодной мистификации, которая привлекала в Иерусалим массу религиозно настроенных людей. В «Хождении» упоминается и тщательная подготовка к церковно-магическому действу (лампады, или «кандила», старательно моют и затем наполняют «одним чистым деревянным маслом, без воды») ⁵²; рассказывается и о собирающихся накануне священнодействия перед храмом воскресения Христова огромных толпах богомольцев «от всех стран», так что образуется «велика теснота тогда в церкви и около церкви», настолько большая, что многие «задыхаются от тесноты людей тех»⁵³. Подчеркивает Даниил и такой факт, как, видимо, бросавшееся в глаза

⁴⁵ Даниил, стр. 1.

⁴⁶ Там же, стр. 114.

⁴⁷ Там же, стр. 134 сл.

⁴⁸ О точности и добросовестности игумена Даниила см. также в кн.: «Культура Древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 194.

⁴⁹ См. ниже, стр. 97.

⁵⁰ Даниил, стр. 146.

⁵¹ См. об этом: М. А. Заборов. Введение в историографию. . . , стр. 68—69.

⁵² Даниил, стр. 138.

⁵³ Там же, стр. 141.

«территориально-литургическое» размежевание между представителями католического и православного духовенства, участвовавшими в великосубботней пасхальной службе: латинские священники «в величем алтаре стояху», а православные чернецы и попы (среди них — и сам автор) помещались на возвышении над гробом; обе части церковнослужителей творили молитвы каждая на свой лад ⁵⁴. Описание великосубботнего действия у Даниила прекрасно дополняет свидетельства латинских хронистов, в частности о несовершенствах творившейся церковниками магии: ведь и Даниилу привелось увидеть, как религиозное действие с самовозжиганием «кандил» в гробе господнем не получилось в том виде, как оно замышлялось организаторами «чуда» (зажглась лишь часть лампад: «от тех кандил ни единого же не возгорѣся тогда, толико те 3 едини възжглись») ⁵⁵.

В отличие от авторов латинских итинерариев, отдаленных и близких предшественников Даниила (Аркульфа, Виллибальда, Бернара Мудрого, Зевульфа, посетившего Палестину всего лишь несколькими годами ранее русского игумена — в 1102 г. ⁵⁶), чьи записи обычно сухи и почти лишены индивидуального колорита, Даниил живо интересовался и всей окружающей святыни естественной средой. Его описания местностей, озер, растительного и животного мира Палестины словно предвосхищают созданную свыше столетие спустя «Восточную историю» Жака де Витри. Даниил выступает весьма любознательным путешественником-географом. О мертвом (Содомском) море он пишет, что оно «мертво есть, не имать в себе животно ничтоже, никаксово рыбы ни сколки, ни рака» ⁵⁷. Напротив, Тивериадское озеро изобилует живностью: «Рыб же в нем много суть. И есть же рыба едина дивна вельми и чюдна, образом яко коропъ; ту же рыбу любил в снедь сам Христос, сладка бо бѣ рыба та паче всех рыб; ядохом бо и мы, грешнии, рыбу ту не единою, но многожды» ⁵⁸. Поэтичным и в то же время трезво-определенным выглядит облик гористого Ефранта близ Вифлеема: «И есть земля та. . . красна зело, на горах, и дрeвеса многа овощная стоять по пригорию тому красно; масличие и рожци, смокви же и виноградие много ту суть около Вифлеома, и нивы по удолием мнози и обилны суть» ⁵⁹.

Такого рода наблюдения, само собой, представляют большую ценность для историка государства крестоносцев, помогая воссоздать тот «фон», на котором развевались события.

И все же, хотя заметки Даниила, касающиеся религиозной жизни Иерусалимского королевства и его естественно-географической среды, во многом расширяют и дополняют известия западных итинерариев и латинских хронистов, главная ценность «Хождения» прежде всего в другом: в тех, пусть даже мимолетных, наблюдениях, которые характеризуют общее положение дел, сложившееся здесь к началу второго десятилетия владычества западного рыцарства.

Игумен Даниил вовсе не был человеком «не от мира сего». И из описаний, и из многократных «лирических» отступлений автора проступает его вполне земной облик. Недаром он сам «уличает» себя в недостатке монашеских добродетелей, в том, что, находясь в «святом пути» и в самом Иерусалиме, вел себя «неподобно», предавался «слабости и лености, пья и ядя» ⁶⁰. Пусть эти упреки в собственный адрес — традиционное

⁵⁴ Даниил, стр. 142—143.

⁵⁵ Там же, стр. 140.

⁵⁶ Там же, стр. IV.

⁵⁷ Там же, стр. 70.

⁵⁸ Там же, стр. 117.

⁵⁹ Там же, стр. 81.

⁶⁰ Там же, стр. 2.

самоуничтожение черноризца, своего рода привычные *exercitia spiritualia*, приверженность странника к посюсторонним благам и непосредственный интерес к происходящему отлично уживаются в его душе с историко-религиозной любознательностью ⁶¹.

В описаниях увиденного Даниилом в Иерусалимском королевстве отчетливо проявляются острый глаз, внимание к деталям, стремление к точности и объективности ⁶².

Автор «Хождения» внимателен, в частности, к хронологии событий, и некоторые его заметки, думается, весьма важны для уточнения данных латинских источников. Таково, например, сообщение (кстати сказать, ускользнувшее от новейших исследователей) о продолжительности его пребывания у Иордана после того, как паломник расстался (на мосту через реку) с «князем» Балдуином, двинувшимся со своими рыцарями к Дамаску: с этого дня и до возвращения иерусалимского короля с войны прошло, оказывается, всего 10 дней (князь «пойде к Дамаску с вой своими воевать; мы же идехом в град Тивериад и пребыхом ту дний 10, дондеже прииде князь с войны тоя от Дамаска») ⁶³. Между тем о длительности похода латинские источники, в том числе официальный историограф Иерусалимского королевства Фульхерий Шартрский, не говорят ничего.

Подчас Даниил замечает и то, о чем умалчивали латинские писатели, панегирически воспевавшие в первую очередь подвиги князей и рыцарей. В «Хождении» нет никакой идеализации порядков Иерусалимского королевства: подлинный характер основанного на насилии господства западных сеньоров обрисован, правда, скупое, но достаточно выразительно и объективно. С этой точки зрения, например, показательны известия Даниила, касающиеся обхождения короля Балдуина I со своими подданными и единоверцами. Этот государь, судя по всему, оказал самый любезный прием высокому саном гостю из Русской земли ⁶⁴. Не удивительно, что Балдуин охарактеризован путешественником во вполне положительном тоне: это был «муж благ и смирен, и ни гордить ни мало» ⁶⁵. Он разрешил ему поставить свою лампаду над гробом господним, и Даниил удовлетворил свои патриотические чувства, поставив «кандило» «за вся князя наша и за вся Русскую землю, за вся христиане Русския земля» ⁶⁶. В описании Балдуина I отразилось, однако, скорее личное отношение нашего паломника к покровительствовавшему ему государю, который «познал бо мя добре и любляше мя велми» ⁶⁷. Что касается наиболее существенного в освещении «деяний» этого короля, то здесь, напротив, мы не заметим ничего, что говорило бы о попытках его идеализации. Так,

⁶¹ Б. Лайб, несомненно, ошибался, считая, будто Даниил ничего не замечал вокруг себя, кроме святых (*B. Leib. Op. cit.*, p. 278, n. 2).

⁶² «Наблюдателен и расторопен» — такова лаконичная, но меткая характеристика, данная ему в монографии В. Т. Пашуто («Внешняя политика Древней Руси», стр. 141).

⁶³ Даниил, стр. 115.

⁶⁴ Король Балдуин I имел двукратную встречу с Даниилом и оказывал ему всяческое покровительство. О близости к нему русского паломника говорит и тот факт, что на пасхальной заутрене в храме гроба господня Даниил зажег свою свечу от королевской свечи — честь, которой удостаивались немногие. См. В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 93.

⁶⁵ Даниил, стр. 139.

⁶⁶ Там же. См. о патриотизме Даниила: «Культура Древней Руси», т. II, стр. 194; В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 103—105.

⁶⁷ Даниил, стр. 139. По мнению В. Т. Пашуто, «*примечательно* (курсив наш. — М. З.) отсутствие у Даниила религиозной нетерпимости к Балдуину I» («Внешняя политика Древней Руси», стр. 141), в доказательство чего и приводится это высказывание игумена. Несколько ранее автор, однако, сам указывает на «дух веротерпимости», вообще царивший тогда в княжеской среде (там же, стр. 131). Но в этом случае ничего достопримечательного в Даниловой оценке позиции Балдуина I по отношению к нему нет.

передавая впечатления от пасхальной службы, состоявшейся в день нисхожденья «святого света» на гроб господень, Даниил со всей прямотой своей натуры отмечает бесперемонность обращения короля с меньшей братией. Не имея возможности из-за скопления множества людей войти в храм воскресения Христова, Балдуин «повеле воем своим разгнати люди насильством, и сотвориша яко улицу сквозе люди. . . до гроба господня»⁶⁸. Одна эта сцена основательно подрывает доверие к апологетическому изображению латинскими хронистами прочного единения, якобы царившего среди христиан разных рангов в Иерусалимском королевстве.

Не менее важно и другое наблюдение игумена Даниила, также поднимающее завесу, созданную умолчаниями латинских писателей: мы имеем в виду те стороны в жизни Палестины под властью крестоносных завоевателей, которые характеризуют возникшие здесь глубокие социальные и религиозно-этнические противоречия. Пришелец из далекой Руси с ее развитыми общественными антагонизмами, зорко вглядываясь в окружающее, схватывает такие факты, которые раскрывают напряженность внутренней обстановки в стране, обусловленную взаимоотношениями «освободителей гроба господня» с покоренными ими, но не покорившимися им иноплемениками-мусульманами.

В глазах местного населения не только франкские сеньоры, осевшие в Палестине, но и все христианские паломники, даже если они прибывали сюда на короткий срок, казались захватчиками. Паломникам постоянно чинились различные препоны, которые Даниил испытал на себе. Многие святые места, рассказывает он, недоступны для тех, кто хочет пройти туда небольшим отрядом («никто не может пройти в мале дружине») ⁶⁹, так как «туда бо ходят мнози срацины и разбивают в горах тех и в дебрях страшных». Даниил смог благополучно совершить свое странствование по Галилее только благодаря тому, что король Балдуин I, к которому пришлось обратиться за поддержкой, распорядился присоединить русского пилигрима к своей дружине, собиравшейся выступить к Дамаску ⁷⁰. «Князь», по просьбе Даниила (видно, этот титул казался ему наиболее подходящим для обозначения верховного правителя крестоносцев), «повеле ми итти с собою; и идох с ним, и приряди мя ко отроком своим. Тогда язъ с радостию великою наях (кони) под ся, и так проидохом места та страшная с вои царьскими без страха и без пакости» ⁷¹. Это впечатление русского очевидца хорошо дополняет скудные обрывки сведений о непрекращавшейся в Иерусалимском королевстве борьбе мусульман против при-

⁶⁸ Даниил, стр. 142.

⁶⁹ Там же, стр. 105.

⁷⁰ Там же, стр. 104: «. . . Аз же идох к князю тому, и рекох ему с молбою, кланяся: князе господине, пойма мя с собою» и т. д. Как полагал А. С. Норов, автор «Хождения» якобы рассказывает здесь о предпринятом в 1115 г. походе Балдуина I, Рожера Антиохийского и Понтия Триполитского против мосульских сельджуков, готовивших контраступление на франков. См. Даниил, стр. 107 (католические сеньоры вступили тогда в союз с сирийскими мусульманами: Тугтехином Дамасским и Бадр-аль-Дином Алепским. — См. R. Grousset. Op. cit., p. 495—503). В литературе высказывалась и другая точка зрения на данное сообщение Даниила — его относили к более ранним, чем война 1115 г., событиям (Г. Хагенмайер). К 1106—1107 гг. приурочивали эти события М. А. Веневитинов в своем издании памятника и Б. Лайб (B. Leib. Op. cit., p. 278); последний полагал, что Даниил примкнул к Балдуину I, отправлявшемуся в январе 1107 г. в очередную экспедицию против арабов, постоянно тревоживших набегами Иерусалимское королевство. См. также R. Röhrich. Geschichte des Königreiches Jerusalem. Innsbruck, 1898, S. 68. Ю. П. Глушакова, принимая в основном версию М. А. Веневитинова, сделала интересную попытку подкрепить ее дополнительными материалами и соображениями и тем самым уточнить: ее вывод сводится к тому, что пребывание Даниила в Палестине «можно датировать 1104—1106 или 1105—1107 гг.» (указ. соч., стр. 82—83). Этот вывод принят и В. Т. Пашуто («Внешняя политика Древней Руси», стр. 141).

⁷¹ Даниил, стр. 104.

шельцев-франков, сведений, содержащихся в хрониках Фульхерия Шартрского, Гийома Тирского, Бурхарда Сионского ⁷².

Стоит отметить и еще одно обстоятельство, передаваемое Даниилом со всей наивностью бесхитростного монаха и проливающее свет на обычаи и нравы светских и духовных властителей Балдуинова государства.

Он видел воочию державшиеся в глубокой тайне укрепления и святыни крестоносцев. Его впустили даже в иерусалимскую цитадель, «столп Давидов», который латиняне «блюдут. . . велми, не дадут никомуже влѣзти в оны» ⁷³. И уж совсем, казалось бы, невероятная вещь: ключарь гроба господня не только впустил Даниила в эту святая святых, но даже «уломи ми тако камени того святого нечто мало на благословение» ⁷⁴. Чем объясняется такое непостижимое расположение к русскому? Конечно, нельзя полностью исключить предположения о дипломатическом характере его вояжа, хотя, как уже говорилось, такая гипотеза покоится на зыбких основаниях. Но из рассказа паломника с совершенной очевидностью вырисовывается другая причина, обеспечившая ему такую степень благорасположения со стороны ключаря. Эта причина — в том, что, как чистосердечно признается автор «Хождения», он «тому ключареву подах нечто мало» ⁷⁵. Да и не только ему перепала толика от нашего игумена. Во вступлении к своим запискам Даниил по-монашески лицемерно сообщает, что «у себя имея в руку худого моего добытка, и от того всем подавах» ⁷⁶. Едва ли речь идет тут лишь о простой милостыне с этого «худого добытка»: скорее всего, с его помощью этот паломник и прокладывал путь ко всему, что влекло к себе его любознательность. Если это так, то подобные признания автора «Хождения» лишний раз подтверждают справедливость отзыва Анны Комнины о франках как о «племени очень жадном на богатство» ⁷⁷, которые «из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей» ⁷⁸.

Какая, однако, разница в характере освещения облика латинян у обоих авторов! В каждой фразе порфирородной Анны звучит безоговорочное презрение к западным «варварам». Игумен Даниил — бесхитростен и объективен: он не стремится порочить и чернить тех, кто, худо ли, хорошо ли, проявил к нему расположение. Но именно благодаря этой естественности его рассказ вызывает доверие. Автор «Хождения» был чужд враждебного латинянам пристрастия. Обращенный против «варваров» сарказм Анны у русского игумена Даниила оборачивается лишь слегка ироничным по отношению к собственной особе, но проникнутым объективностью в отношении внешних фактов изложением. Нельзя, однако, пройти мимо одной примечательной черты «Хождения»: хотя автор записок о «земле Галилейской» побывал в ней спустя всего несколько лет после водворения там крестоносцев, он странным образом вовсе не упоминает ни об этих глубоких недавних переменах на Востоке, ни о самом крестовом походе конца XI в. Трудно допустить, что мних Даниил, который был лично знаком с королем Балдуином и находился в контакте с латинскими рыцарями и духовными лицами, мог совершенно не знать об этих событиях.

Да и независимо от этого, как упоминалось выше, на Руси было известно, что Иерусалим перешел к латинянам от «поганых». Русские феодальные круги должны были находиться в курсе того, что происходило в восточных странах, хотя бы потому, что были связаны политико-династическими узами с рядом правящих домов Запада, представители которых

⁷² См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 112 сл.

⁷³ Даниил, стр. 33.

⁷⁴ Там же, стр. 146—147.

⁷⁵ Там же, стр. 146.

⁷⁶ Там же, стр. 3.

⁷⁷ См. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 278.

⁷⁸ Там же, стр. 295.

так или иначе были причастны к крестоносному движению. Венгерский король Коломан, например, собирался искать спасения при дворе своего «родственника» — киевского князя Святополка — от банд фламандских крестоносцев, которые, предводительствуемые Эмихо Лейнингенским, наводнили Венгрию в конце 1096 г. (об этом сообщает Альберт Аахенский)⁷⁹. Другой «родственник» — датский король Эрик Добрый, крестоносцем отправившийся в Палестину, избрал даже путь на Восток через русские земли, и Святополк обеспечил его надежным военным эскортом⁸⁰.

Таким образом, какая-то информация все же поступала на Русь. И тем не менее факт остается фактом: автор «Хождения» не обмолвился ни словом относительно самого вторжения крестоносцев в Палестину, случившегося максимум за полтора десятка лет до его странствования. Даниил не проявляет никаких чувств по поводу совершившегося «спасения» столь дорогого для него «святого гроба»: он просто не упоминает о событиях, предшествовавших установлению господства латинян на Востоке. Факты же, касающиеся положения Иерусалимского королевства в настоящем, излагаются им так, будто само оно существует с давних пор.

О причинах умолчания Даниила о крестовом походе 1096—1099 гг. можно лишь догадываться. Быть может, Даниил был настолько поглощен своими религиозными заботами, что просто не интересовался недавними судьбами самой страны, куда его привели благочестивые помыслы. Не исключены и другие объяснения: например, возможно, автор записок не считал этот предмет (крестовый поход) соответствующим теме. Едва ли, однако, мы вправе предположить, что Даниил был совсем не осведомлен о походе конца XI в., о чем знали его соотечественники. Скорее всего, его умолчание — явление того же порядка, что и лапидарность сообщений на этот счет русских летописцев. Крестовый поход латинян, происходивший в очень далеких краях (недаром мних Даниил тщательно исчисляет расстояния между городами, через которые ему довелось идти), не затрагивал непосредственных политических интересов феодальной Руси, занятой внутренними усобицами и войнами против куда более близкого врага — половцев. Поэтому русские современники и касались собственно исторических судеб Святой земли лишь бегло и мимоходом.

Так или иначе внимание Даниила было всецело приковано к настоящему Палестины, находившейся под властью латинского короля. В описаниях русского паломника много ценных наблюдений, которые и делают «Хождение» важным источником по истории Иерусалимского королевства в ранний период его существования⁸¹.

Спустя менее ста лет после написания «Хождения» выступил другой русский, которому также довелось стать свидетелем деяний крестоносцев — на этот раз в единой Византии: в 1204 г., обуреваемые жаждой разбогатеть, франки жестоко разгромили ее столицу, а саму империю уничтожили, основав на ее месте собственное государство — Латинскую империю. Очевидцем этих драматических событий был некий новгородец, находившийся в Константинополе в памятные дни апрельского погрома. Вскоре после завоевания Константинополя он составил рассказ о виденном — «Повесть о взятии Царьграда фрягами», включенную затем в Новгородскую летопись⁸².

⁷⁹ Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana. — RHC, t. IV. Paris, 1879, p. 294.

⁸⁰ См. подробнее: *B. Leib*. Op. cit., p. 278.

⁸¹ Значение записок Даниила как источника для истории Палестины (а также Византии) в общем виде отмечал М. Н. Тихомиров («Источниковедение истории СССР», вып. I. М., 1962, стр. 163).

⁸² В источниковедческом аспекте (преимущественно) «Повесть» впервые была изучена П. М. Бицилли (Новгородское сказание о IV крестовом походе. — «Исторические известия», № III—IV. М., 1916). Всесторонне (и текстологически, и по содержанию) памятник исследовал Н. А. Мещерский в статьях: «Древнерусская повесть

Этому произведению свойственна та же главная черта, которую мы констатировали в «Хождении» Даниила: относительная беспристрастность или, по удачному выражению Н. А. Мещерского, «нейтральность»⁸³, делающая «Повесть» источником большой достоверности. Наблюдательность летописца, отметившего немало любопытных деталей двукратной осады византийской столицы крестоносцами, точность хронологических и топографических данных, обнаруживаемая сравнением известий «Повести» с сообщениями других современников и очевидцев, — все это придает памятнику значение одного из содержательных источников по истории Четвертого крестового похода⁸⁴. Так, бросается в глаза большая четкость в описании батальных сцен. Вероятно, новгородец был неплохо знаком с военным делом и многое успел увидеть из военных действий: сухопутные и морские баталии обрисованы им деловито и вполне «квалифицированно». Описания эти в основном совпадают с соответствующими данными латинских мемуаристов Четвертого похода, однако во многом и уточняют их, что лишний раз говорит о несомненной достоверности свидетельств новгородца.

Действительно, он с обстоятельностью непосредственного наблюдателя рассказывает, как в дни второй осады крестоносцы «лучины зажгыша, пустиша на хоромы, якоже и пръже (т. е. в 1203 г. — М. З.) пожгоша град»⁸⁵, как Константинополь был атакован и с кораблей, и с суши. Обращает внимание на большую численность фряжского флота: там было сорок одних только крупных галер, таких, в которых уже наготове стояли «люде на коних, одени в бръне и коне их» (деталь, видимо, особо поразившая русского очевидца)⁸⁶. Эти известия почти целиком совпадают с рассказом Робера де Клари. Он также упоминает о венецианских кораблях, в трюмах которых были размещены рыцари, уже находившиеся в седле; через особые дверцы они могли выходить прямо на берег в полной боевой готовности⁸⁷. Впрочем, пикардийский рыцарь-хронист, видимо,

о взятии Царьграда фрягами в 1204 году» (ТОДРЛ, т. X, 1954); его же. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии (ВВ, IX, 1956 — сокращенный вариант первой из названных статей). На основании филологического анализа «Повести» автор пришел к предположительному выводу о ее южнорусском происхождении; лишь впоследствии, по его мнению, она вошла в Новгородский свод (см. ВВ, IX, 1956, стр. 184—185). Подробное разбор и оценку работ обоих авторов см. в наших статьях: «Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.» — (ВВ, XXV, 1964, стр. 139 сл.); «Советская историография крестовых походов» (СВ, вып. 25, 1964, стр. 281).

⁸³ Как указал Н. А. Мещерский, сопоставление с записками Жоффруа Виллардуэна и другими латинскими хрониками Четвертого похода свидетельствует, что в «Повести» правильно названы дни первого и второго штурма Константинополя (в апреле 1204 г.) и дата избрания латинским императором графа Балдуина Фландрского (9 мая 1204 г.); здесь скрупулезно и лучше, нежели в западных хрониках, обозначены границы константинопольских кварталов, объятых огнем пожарниц во время первой осады города в 1203 г., когда «пожжкентъ бысть град. . . и святое Софие притвор погорѣ, . . . и подрумье и до моря; а семо по Цесарев затворѣ и Суда погорѣ» (Новгородская летопись, стр. 46—47). Ср. Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник. . . , стр. 179—180.

⁸⁴ Трудно, впрочем, оспаривать соображение автора цитируемой выше работы, справедливо подчеркивающего, что нет оснований и преувеличивать ценность «Повести» в качестве собственно исторического произведения, ибо это прежде всего памятник русской художественной литературы. Исследователь указал, что в «Повести» налицо и домыслы фольклорного происхождения (такова изложенная здесь версия бегства «Олексы» в Европу, совершенного будто бы в бочке с тройным дном. — Новгородская летопись, стр. 46), и явные, с исторической точки зрения, фактические недочеты, например погрешности в хронологии византийской истории (Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 181).

⁸⁵ Новгородская летопись, стр. 48. Жоффруа Виллардуэн, сообщая о пожарах, утаивает их виновников (*Ville-Hardouin. La Conquête de Constantinople, t. I, ed. E. Faural. Paris, 1933, p. 208*).

⁸⁶ Новгородская летопись, стр. 48.

⁸⁷ *Robert de Clari. La Conquête de Constantinople, ed. Ph. Lauer. Paris, 1924, p. 42—43.*

стремясь преуменьшить силы крестоносцев, рисует дело так, будто больших галер у них имелось всего пять ⁸⁸. Прекрасно схвачены в «Повести» наиболее характерные черты сражения: в то время как рыцари, атаковавшие город, приставляли к стенам высокие лестницы («скалы великия»), по которым устремлялись наверх, греки и варяги стремились поразить этих воинов «каменiem и стрѣлами» ⁸⁹ — рассказ, в главном сходный с тем, о чем пишет и Жоффруа Виллардуэн ⁹⁰.

Внимательный очевидец, новгородец хорошо показывает расположение отрядов латинян у столичных стен: «Приступиша к граду, солнцю въсходящую, противу святому Спасу, зовемыи Вергетись, противу Испигасу, стояша же и до Лахерны» ⁹¹. Не опускает он и некоторых деталей, относящихся к действиям флота: так, сообщается, как один из кораблей крестоносцев был ветром прибит к городской стене, когда они кинулись на штурм византийской столицы; о том же рассказывают и Виллардуэн, и Робер де Клари, усматривающие в этой случайности чудо божье, «ибо море, которое отнюдь не было спокойно, само вынесло его» (корабль) к башне ⁹².

Интересны, как можно полагать, гораздо более близкие к действительности, чем у латинских хронистов, цифровые данные русского летописца о потерях сторон. По данным Виллардуэна, выдающего желаемое за реальность, завоеватели, овладев городом с населением в 400 тыс., сами потеряли лишь одного рыцаря, а новгородец отмечает, что только при отражении их первой атаки «нѣ фряг избиша близ 100 мужъ» ⁹³. Объективны сообщения летописца и о поведении латинян во взятом ими 12 апреля городе: войдя в него, они не отважились продвигаться до утра («и стаха на мѣсте») и провели ночь («и ту стаха и на ночь») там, где раньше находилась ставка императора Алексея V Мурцуфла: только с восходом солнца ворвались они в храм св. Софии ⁹⁴.

Мы уже указывали, что латинские историки, будучи апологетами рыцарского воинства (Жоффруа Виллардуэн, Робер де Клари, Гунтер Пэрисский), обходили молчанием или стремились смягчить его недостойные «подвиги» в Константинополе. Они воспевали захват города как величайшее историческое событие.

Еще более усиливая и словно обосновывая это представление, папа Иннокентий III усматривал в завоевании Византии католиками истинное «чудо божье» ⁹⁵. Не в пример латинским повествователям, русский очевидец рассказывает о взятии Константинополя сдержанно (он чужд, конечно, всякого панегиризма), зато правдиво рисует вандализм рыцарей, проявленный ими в древней столице империи. Новгородец хорошо понимает тайные мотивы, руководившие крестоносцами. Вот лаконичная, но проникновенная оценка этих мотивов действий крестоносцев вкупе с их предводителями. Они встали на сторону «Олексы», соблазненные обещанной им наградой: «Фрязи же и вси воеводы их възлюбиша злато и срьбро, иже мѣняшет имъ Исаковицъ» ⁹⁶.

С печалью передаются в «Повести» подробности изничтожения фрягами драгоценной утвари храма св. Софии: «вънидоша в святую Софию, и одьраша двѣри и расъекоша, а онболъ окованъ бяше всь серебром, и

⁸⁸ Robert de Clari. Op. cit., p. 73.

⁸⁹ Новгородская летопись, стр. 48.

⁹⁰ Ville-Hardouin. Op. cit., t. II. Paris, 1939, p. 42—44.

⁹¹ Новгородская летопись, стр. 48.

⁹² Robert de Clari. Op. cit., p. 42—43. Ср. Ville-Hardouin. Op. cit., t. II, p. 42—43.

⁹³ Новгородская летопись, стр. 48. О фальсифицированных цифровых выкладках в записках Виллардуэна см. М. А. Заборов. Введение в историографию. . . , стр. 365 сл.

⁹⁴ Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 179.

⁹⁵ См. М. А. Заборов. Папство и крестовые походы. М., 1960, стр. 185 сл.

⁹⁶ Новгородская летопись, стр. 46.

столпы серебряные 12, а 4 кивотыныя, и тябло иськоша, и 12 креста, иже надъ олтарем бяху, межи ими шишки, яко дръва вышша муж, и прѣграды олтарныя межи стѣлпы, а то все серебряне. . . » и т. д.⁹⁷ Это и следующее далее описание грабежей фрягов в византийских церквях и монастырях превосходно оттеняют не только алчность крестоносцев, но и с поразительной обстоятельностью уточняют масштабы истребления предметов культа, о чем западные мемуаристы умалчивают: правда, они отмечают огромные размеры добычи, взятой в Константинополе⁹⁸, но такой прямо-таки «инвентарной описи» погубленного и присвоенного церковного имущества, которую составил русский очевидец апрельских событий 1204 г., не найти, пожалуй, ни у кого из латинских мемуаристов.

Вместе с тем, описывая бесчинства фрягов, автор «Повести» не позволяет себе чрезмерного «нажима», подобного тому, с которым писал свою «Историю» византийский сенатор Никита Хониат, также являвшийся очевидцем событий. Последний явно не скупится на горькие филиппики против латинян; он то и дело выражает чувства гнева и скорби, прибегает к сарказму, чтобы поведать миру о надругательствах захватчиков над жителями Константинополя, о творившихся ими кощунствах в храмах и на площадях, о варварском истреблении старинных памятников искусства. Местами его рассказ, давно сделавшийся хрестоматийным, представляет собою явную стилизацию «плача» об участи великого города (в духе «Иеремиады»), стенание о злосчастной судьбе тех, кто пал жертвами насилий латинских завоевателей, и о гибели замечательных культурных ценностей, веками накапливавшихся в столице и в два дня обращенных в груды развалин и пепла⁹⁹.

Новгородец, тоже проживавший в Константинополе в достопамятные дни вторжения рыцарей, излагает виденное совсем иначе — гораздо «строже», проще и эпически объективнее. И он рисует факты как непосредственный свидетель, но рисует их, словно из некоего близкого «далека». Возможно, отчасти это объясняется тем, что сам он, в отличие от греческого историка, не пострадал от латинян и вообще не был лично причастен к событиям¹⁰⁰: ему было легче писать о виденном, делая это как бы на расстоянии. Отсюда — известная объективность тона, составляющая бесспорное достоинство «Повести» как источника. Автор опечален гибелью константинопольских святынь, как и всего «Греческого царства», но печаль не застилает ему глаза: он верен долгу историка и старается передать факты так, как сам их наблюдал.

Нельзя, однако, не заметить и другого: повествуя о бесчинствах крестоносцев, новгородец переносит центр тяжести на описание их преступного поведения в константинопольских церквях. Если Никита Хониат подробно перечислял, что было разрушено из архитектурных, скульптурных, художественных ценностей, то его единоведец, русский летописец, пишет лишь о разграблении драгоценных предметов церковного обихода. Как уже отмечалось выше, главным образом он перечисляет святотатственные деяния латинян в храме св. Софии, где они «тряпезу чюдъную одѣраша драгѣй камень и велми жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша; и 40 кубѣковъ великихъ, иже бяху прѣд олтаремъ, и понекадѣла и свѣтила серебряная, яко не можем числа повѣдати, с праздничными съсуды бесцѣнными поймаша»¹⁰¹.

Н. А. Мещерский связывал это обстоятельство с особенностями воззрений и положения историка в Константинополе. Новгородец потому

⁹⁷ Там же, стр. 48—49.

⁹⁸ *Ville-Hardouin*. Op. cit., t. II, p. 60.

⁹⁹ См. *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnæ, 1835, p. 757 e. a.

¹⁰⁰ Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰¹ Новгородская летопись, стр. 49.

якобы не удостоил вниманием золотых и медных статуй, украшавших дворцы, инподром и площади города, что в его глазах они были предметами языческого культа. Кроме того, ему, дескать, пришлось соблюдать осторожность в своих описаниях, поскольку сам он находился в городе, захваченном рыцарями, и, следовательно, зависел от них ¹⁰².

Едва ли эти гипотезы доказуемы. «Осторожность» не помешала новгородскому историку нарисовать весьма выразительную и не делающую чести рыцарям креста картину разгрома ими храмов. Новгородец не побоялся упомянуть и о том, что фряги надругались над монахами, монашенками и священниками, подвергали их избиениям («черньче же и чернице и попы облупиша, и нѣколико ихъ избиша» ¹⁰³), о чем нет ни слова в латинских хрониках. Это представляется тем более достоверным, что, в отличие от Никиты Хониата, склонного сгущать краски, русский историк пишет об избиениях лишь некоторых особ духовного звания. Что же касается его мнимого «пренебрежения» как христианина к предметам древнего идолопоклонства, то, думается, представление о такой конфессиональной узости взглядов летописца не вяжется с данным им описанием свято-татств завоевателей, которое свидетельствует о высоких эстетических идеалах автора, о свойственном ему тонком чувстве прекрасного.

Само собой, то был сын своей эпохи, своей страны. Перед нами, несомненно, человек, разделяющий известный комплекс религиозно-этических идей православия. Неудивительно поэтому, что, подобно Никите Хониату, он уделяет в «Повести» значительное внимание надругательствам латинян над константинопольскими святынями ¹⁰⁴. Это — паломник, и для него рассказать о том, что случилось с церквями и их содержанием, — задача первостепенной важности. Рассказ этот внешне сдержан, но за «спокойствием» повествователя чувствуется опаляющая его душу печаль и возмущение против диких выходов захватчиков, откровенно глумившихся над «схизматиками» и их святынями. Возможно (как предпологал Н. А. Мещерский), новгородец, взирая на эти кощунства, не удержался до конца на позиции стороннего наблюдателя и оказал прямую помощь «добрым мужам» в сокрытии от алчных пришельцев какой-то части церковного имущества ¹⁰⁵.

Тем не менее ценность награбленного и разрушенного латинянами в церквях определялась для этого русского человека отнюдь не только собственно религиозной значимостью тех или иных предметов культа. В не меньшей мере они привлекали новгородца и как творения искусства — угол зрения, к слову сказать, абсолютно чуждый латинским хронистам, которые даже реликвии оценивали «на вес» ¹⁰⁶. Новгородец сокрушался (нигде, впрочем, не афишируя столь подчеркнуто свою скорбь, как Никита Хониат) о гибели церквей, монастырей, об истреблении церковных украшений и как христианин, и как образованный русский человек, преклоняющийся перед красотой, умеющий ценить замечательные памятники церковной архитектуры, прикладного искусства, живописи.

Рисуя повальные грабежи рыцарей в константинопольских и других византийских церквях, автор «Повести» делает упор на том, что разграблению подверглись именно прекрасные по своему исполнению предметы. «Иные церкви в градѣ и вѣнь града, и монастыри в градѣ и вѣнь града, пограбиха все, им же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати» ¹⁰⁷(1). В этих словах звучит искренняя печаль религиозно настроенного чело-

¹⁰² См. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰³ Новгородская летопись, стр. 49.

¹⁰⁴ Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰⁵ Новгородская летопись, стр. 48. Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 178.

¹⁰⁶ См., например, Robert de Clari. Op. cit., p. 81—82, 84—85.

¹⁰⁷ Новгородская летопись, стр. 49.

века, скорбящего о гибели церквей. А вместе с тем для него красота архитектурных форм имеет самодовлеющее значение, он очарован достижениями византийского зодчества и не может примириться с их бессмысленным уничтожением. Та же черта его взглядов — умение ценить «художество» проступает и в описании спасенных от рук рыцарей предметов церковного обихода. С «божьей помощью», как полагает новгородец, удалось «добрым людям» унести икону богородицы — «Одигитрию»: радуясь тому, что она уцелела и что можно, как и раньше, молиться перед ней, новгородец тут же оттеняет и художественную ценность этого создания византийской живописи: «Дигитрию же чудьную (!), иже по граду хожаше, — пишет он, и этот эпитет в его устах чрезвычайно характерен, — съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣмся»¹⁰⁸.

Как видно из сказанного, вряд ли есть основания думать, будто у нашего летописца отсутствовало чувство прекрасного. И точно так же ничто не доказывает опасений историка перед латинянами, в окружении которых создавалась «Повесть». Как свидетельства очевидца, переданные сдержанно и объективно, эти известия творца «Повести» существенно дополняют картину разгрома Константинополя крестоносцами Четвертого похода, нарисованную в латинских хрониках и в сочинениях Никиты Хониата; самый же подход к отбору фактов лишний раз подтверждает высокий уровень художественной культуры феодальной Руси начала XIII в.

Интересны также, но скорее уже в сугубо историографическом аспекте, некоторые представления автора «Повести» о предшествующей взятию Константинополя стадии этого крестоносного предприятия. Разумеется, они лишены доказательности, равной той, которая составляет несомненную силу других подобных сообщений. Ведь новгородец не присутствовал ни при рождении замыслов антивизантийской авантюры, ни при их осуществлении, он свидетельствовал лишь о завершающем акте «деяний» крестоносцев. Его данные о событиях до разгрома Константинополя, прежде всего — событиях международного порядка, почерпнуты из вторых рук и подчас явно тенденциозны. Но кое-что все же заслуживает внимания и в этой части «Повести»: и она содержит в себе оценки и суждения, более близкие к истине, нежели произенные апологетикой взгляды большинства латинских бытописателей Четвертого крестового похода.

Пожалуй, наиболее показательным в этом смысле является проводимая в «Повести» концепция дипломатической предыстории крестоносной авантюры 1202—1204 гг., в частности представление о сущности и роли венецианской и папской политики. Если наш новгородец и не располагал относительно нее безупречной информацией, то зато здесь в полной мере сказались преимущества историка, смотревшего на события «с другой стороны», а потому в принципе делавшего подчас более верные выводы даже из сообщений, не являвшихся целиком достоверными в строгом смысле слова. Так, подобно эльзасцу Гунтеру Пэрисскому, автор «Повести» обвиняет венецианцев во главе с дожем Энрико Дандоло в злостном исходе крестового похода, в повороте «рати хрестовой» в сторону Константинополя¹⁰⁹. Венецианцы двинули сюда свой флот, ибо «съ же дуж много брань замышляше на град» (ср. точку зрения более осведомленного паписта Гунтера Пэрисского, который писал о «коварстве и подлости» венецианцев, стремившихся подорвать морскую мощь Константинополя, поскольку тот, «гордый множеством своих кораблей, изъявлял притязания владычествовать на всем этом море»)¹¹⁰.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana*. — *P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae*, t. I. Genevae, 1877, p. 70—71, 85. Подробнее об антиве-

Что же касается трактовки дипломатии Иннокентия III в событиях 1202—1204 гг., то новгородец и здесь проявил проницательность и политическое чутье. Действительно, источники, исходящие из папской канцелярии, рисуют этого папу решительным противником всякого «уклонения крестоносцев с пути», всяких попыток использовать крестоносное воинство в целях, не соответствующих официальной программе папства, в частности ради восстановления на константинопольском престоле низвергнутого еще в 1195 г. Исаака II и его сына Алексея¹¹¹. Напротив, источники, свободные от апологетики в отношении папства, свидетельствуют о прямой заинтересованности Иннокентия III в осуществлении проектов восстановления законных государей в Византии с помощью крестоносцев¹¹². Среди таких источников — наряду с Морейской хроникой, хрониками француза Альбрика де Труафонтен и венецианца Мартина де Канале, а также произведениями византийцев Никиты Хониата и Георгия Акрополита — и наша «Повесть». Русский очевидец, имевший возможность беседовать с участниками похода¹¹³, сообщает чрезвычайно важные сведения, проливающие свет на подлинную позицию Иннокентия III. К сожалению, сохранилась только часть этого интересного рассказа.

Данные Новгородской летописи заставляют предполагать, что между Иннокентием III и послами немецкого короля Филиппа Швабского, покровительствовавшего своему шурина, царевичу Алексею, была достигнута договоренность относительно его восстановления на византийском престоле¹¹⁴. Русский летописец приводит совместные увещания, с которыми папа и Филипп якобы обратились к крестоносцам. Они рекомендовали им посадить царевича Алексея в Константинополе и лишь после этого идти дальше на Восток¹¹⁵. Если в этих и других представлениях и слышатся отголоски «гибеллинской версии» событий (стремление подчеркнуть, что франки своими дальнейшими действиями якобы нарушили требование Филиппа Швабского не навязывать грекам «Исааковица» и не чинить зла городу¹¹⁶), если, тем более, допустить, что единый план папы и Штауфенского короля в отношении использования сил крестоносцев, предполагаемый рассказом новгородца, относится к области вымыслов¹¹⁷, то и тогда в его сообщениях нетрудно уловить зерно исторической истины. Иннокентий III действительно втайне ратовал за под-

нецианских инвективах Гунтера Пэрисского см. *М. А. Заборов*. Введение в историографию. . . , стр. 293 сл.

¹¹¹ См. подробнее: *Н. П. Соколов*. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 365 сл.

¹¹² См. подробно: *М. А. Заборов*. Иннокентий III и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. — ВВ, V, 1952, стр. 159 сл.

¹¹³ См. *П. М. Бицилли*. Новгородское сказание, стр. 56—58; *Н. А. Мещерский*. Указ. соч., стр. 182 сл. Посредством скрупулезного филологического анализа новгородского сказания, главным образом особенностей начертания в нем собственных имен и географических названий (они передаются летописцем на немецкий лад: «Берн» — Верона, «Венедикт» или, по другому списку, «Венедик» — Венеция и т. п.), а также на основании давно отмеченного исследователями знакомства русских летописцев с немецкими сказаниями, в том числе о Дитрихе Бернском, упоминаемом и в Новгородской летописи, П. М. Бицилли пришел к заключению, что источником информации для автора «Повести» были немецкие крестоносцы. Развивая и уточняя этот вывод путем исследования лексики «Повести», Н. А. Мещерский подтвердил представление о непосредственном «изульном общении» автора «Повести» с рыцарями, жившими в Царьграде «и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи» (*Н. А. Мещерский*. Указ. соч., стр. 182).

¹¹⁴ Новгородская летопись, стр. 46.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Узнав о смерти «Исааковица», фряги «печальни бывше за преслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣчскый и папа римскый, яко си зло учиниша Цесарюграду» (Новгородская летопись, стр. 47).

¹¹⁷ Н. П. Соколов (указ. соч., стр. 498, прим. 1) считает, что «всякая попытка представить Иннокентия III союзником Филиппа Швабского, как это иногда делается в исторической литературе, — автор указывает в качестве примера точку зрения

держку притязаний византийского царевича. Недаром позднее, уже в 1205 г., Бонифаций Монферратский, вождь крестоносцев, напоминал папе, что в свое время он (Бонифаций) взял на себя дело Алексея, между прочим, и потому, что «таков был совет» «возлюбленного сына апостольского престола, легата Петра»¹¹⁸. Итак, новгородский летописец отражает факты (о сути которых он, возможно, скорее догадывался, чем доподлинно знал ее), близкие к истине; его мысль, не связанная пиететом перед папой, работала вполне реалистично: он понимал, что папа, говоря словами Альбрика де Труафонтэн, «очень хотел, чтобы Алексей был восстановлен крестоносцами в отчих владениях»¹¹⁹.

Но «Повесть» справедливо обращает внимание и на другое обстоятельство: Иннокентий III вместе с Филиппом Швабским предписал крестоносцам («и тако увѣчаста») «яко нѣ воевати на Цесарьград». Он требовал: «пакости не деите Грѣчьской земли»¹²⁰. Это соответствует официальному политическому курсу папства, зафиксированному в его эписистоляррии. Иннокентий III, естественно, не мог дать формального согласия на изменение направления крестового похода. На словах, в грозных посланиях своему воинству, он самым решительным образом осуждал любую попытку «уклонения» крестоносной рати от цели. Тем более папа не мог санкционировать разграбление Константинополя. В письмах крестоносцам он не раз призывал не нападать на христианские земли и вообще не наносить ущерба христианам (важна, однако, оговорка: «разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу»¹²¹). Не исключено, что новгородец, черпавший свои сведения от участников похода, знал об этих лицемерных папских запретах, которые и передал в своей «Повести». Но у ее автора не вызывало сомнения главное — наличие «папина велѣния»¹²² крестоносцам восстановить Алексея в Константинополе.

Иначе говоря, ему был очевиден смысл политики Иннокентия III. Пером русского летописца (в отличие от иных латинских хронистов) не руководило желание во что бы то ни стало уберечь престиж папства от приговора потомков, и это отсутствие предвзятости позволило ему раскрыть активную роль Иннокентия III в судьбах Четвертого крестового похода в целом ближе к действительности, чем находившемуся во всеоружии фактов автору «Деяний Иннокентия III». Сведения новгородского историка перекликаются с аналогичными сообщениями и наиболее объективно мысливших западных современников (Созомен из Пистории, Бурхардт из Урсберга, Главные Кельские анналы и др.). Даже папист Гунтер Пэрисский дважды отмечает ненависть Иннокентия III к Константинополю: папа очень желал, «чтобы этот город был завоеван католиками»¹²³.

Любопытно, что версия «Повести» получила отражение и в некоторых других русских летописных повествованиях. Близок к ней рассказ Густинской летописи под 1201—1202 г. И здесь мы читаем о том, как после бегства царевича из константинопольской темницы на Запад к тестю (Филиппу Швабскому), «кесарь же послал его в Рим ко Келестину папе» (Целестин здесь явно перепутан с Иннокентием III, и последовательность событий

Ф. И. Успенского («История крестовых походов». СПб., 1900, стр. 125) и нашу, — должна быть признана по меньшей мере сомнительной». Необоснованность такого рода скепсиса, высказывавшегося задолго до Н. П. Соколова (А. Люшер и др.), была нами раскрыта в статье «Иннокентий III и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.», стр. 161 сл.

¹¹⁸ См. *Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim*, ed. St. Baluzius, t. I. Parisiis, 1688, lib. III, № 133.

¹¹⁹ *Albrici monachi Trium Fontium Chronica*. — MGH SS, t. XXIII, p. 880.

¹²⁰ Новгородская летопись, стр. 46.

¹²¹ *Epistolarum Innocentii III*... lib. V, № 162.

¹²² Новгородская летопись, стр. 46.

¹²³ *Gunth. Paris. Op. cit.*, p. 78.

передана неверно. — М. З.), как папа договорился с германским королем и они «послала войска римские и немецкие ко Цариграду с Алексеем Исааковичем, наказаше их тако: . . . не починайте брани со греки, лучше бо есть с турками битися о божий гроб всем, нежели со христианы нову брань зачинати, оя же не вемы каков конец будет»¹²⁴. Это в основном — та же концепция, восходящая к устной традиции, усвоенной автором «Повести».

Сходен с нею и рассказ летописца о последующих событиях похода, выдержанный во враждебном тоне к «латинникам»: сперва они «принудили греков приняти на царство Алексея Исааковича», а после того, как он «неблагоразумен» «низложи Исаакия отца своего из царства» и стал «творити насилье греком», отчего в Царьграде «бысть великое нестроение», «латинники» «хитростью взяша Цариград»¹²⁵. Летописец особенно раздосадован переменами в церковной иерархии: завоеватели «извергоша же и патриарху православного Иоанна, и поставиша латинника патриархоу». Он крайне опечален гибелью реликвий, увезенных крестоносцами из византийской столицы¹²⁶.

В заключение отметим необоснованность мнения Н. А. Мещерского, что автор «Повести» вообще якобы сравнительно терпим к крестоносцам¹²⁷. Сказанное выше свидетельствует об обратном. Что касается рассказа Густинской летописи, то он имеет явно антилатинскую направленность: захватив Царьград, фряги пренебрегли общехристианскими интересами, внесли «нестроение» в политическую и церковную жизнь Византии. Не отсюда ли ведет начало позднейшая концепция «вины Запада перед христианством», которая получила развитие в трудах ряда русских византистов конца XIX—начала XX в. (Ф. И. Успенский и др.) ?¹²⁸

Таким образом, сведения русских нарративных памятников XII—XIII вв., касающиеся истории крестовых походов и государств крестоносцев, могут быть разделены на две группы.

К одной относятся довольно редкие и отрывочные упоминания в летописях об отдельных событиях этих войн. Такие упоминания лаконичны, несколько расплывчаты и в целом не имеют сколько-нибудь существенного значения для реконструкции самих событий. Они свидетельствуют, что историки Древней Руси не обнаруживали устойчивого интереса к папско-рыцарским священным войнам, которые в исторических условиях, переживавшихся тогда Русью, не привлекали внимания русских феодалов; религиозные и торговые потребности, обуславливавшие необходимость контактов с Палестиной, могли быть целиком удовлетворены мирными способами. Изучение летописных данных важно поэтому преимущественно с точки зрения анализа религиозно-политической идеологии и исторической методологии самих летописцев.

Ко второй группе сообщений по занимающим нас сюжетам принадлежат историко-литературные записи русских очевидцев ряда событий, отчасти последовавших за утверждением крестоносцев в Палестине, отчасти же развернувшихся в начале XIII в. в связи с Четвертым крестовым походом.

Разбор сведений этих очевидцев показывает, что позиция русских современников соответствовала той, которую занимал феодальный мир Киевско-Новгородской Руси по отношению к конфликту католического Запада с мусульманским Востоком: Русь была от него в стороне, она не могла принимать участия в агрессивных войнах, вдохновлявшихся пап-

¹²⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 327.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹²⁸ См. об этом: М. А. Заборов. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.— ВВ, XXV, стр. 122 сл.

ством. Вследствие этого известия русских очевидцев выделяются среди прочих своей сравнительной объективностью в изложении фактов; они содержат тонкие наблюдения о виденном в Иерусалимском королевстве и в захваченном крестоносцами Константинополе. Игумен Даниил в начале XII в. и безымянный автор «Повести» в начале XIII в., каждый по-своему, нарисовали богатые конкретными подробностями и достоверные картины событий, свидетелями которых им довелось быть. Сопоставление с сообщениями латинских хронистов и византийских историков выявляет точность и наблюдательность русских современников — качества, благодаря которым их рассказы нередко позволяют дополнить, исправить, конкретизировать материалы предвзятых латинских и византийских повествований. Известия русских очевидцев событий крестовых походов расширяют наши представления о завоевательных предприятиях феодального Запада, организовывавшихся и вдохновлявшихся римской курией.